

Частный детектив
Татьяна Жданова



МАРИНА СЕРОВА

Музей
восковых
фигур



АСТ

Марина С. Серова
Музей восковых фигур
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=422822
Музей восковых фигур: Эксмо; М.; 2007
ISBN 978-5-699-24670-0

Аннотация

Едва в городе появился передвижной музей восковых фигур, как произошло несколько загадочных убийств. Первой жертвой стал директор музея. Подозрения пали на группу молодых людей, поскандаливших с покойным в день открытия. Мать подозреваемой девушки нанимает частного детектива Татьяну Иванову. Выясняется страшная закономерность: те, против кого выдвинуто обвинение, по очереди умирают. Один от передозировки, другой выбрасывается из окна, третью находят зарезанной. Распутывая клубок преступлений, Татьяна чуть сама не становится жертвой...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	32
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Марина Серова

Музей восковых фигур

Глава 1

Трупы смотрели мне прямо в лицо.

Я стояла в центре смотрового зала и не могла избавиться от ощущения, что нахожусь среди мертвецов, которых эксгумировали, наложили на лица «штукатурку», прошлись щеткой по одежке и выставили для всеобщего обозрения. Надо сказать, что покойнички очень неплохо сохранились и напоминали собой персонажи спящего царства. Оставалось только дожидаться пробуждающего или, скорее, отрезвляющего поцелуя, после чего восковые истуканчики начнут прыгать от счастья и лапать друг друга.

Эта мысль заставила меня передернуться от брезгливости, словно молоденького бычка, которому только что перерезали горло.

Все шахматные фигуры с лицами исторических деятелей объединяло одно: они оставили свой единственный и неповторимый след на Млечном Пути нашей забрызганной кровью истории.

Я находилась в так называемом Музее восковых фигур, или театре, или паноптикуме – уж как кому понравится.

Небезызвестный узкому кругу людей Вильям Шекспир выразился бы именно так. Современники, будь на то божья воля, с удовольствием подтвердили бы, что Вилли был большой оригинал по части ироничного отношения к собственному зрителю. Кстати, во времена Шекспира не было музеев восковых фигур, не было! Мари Страсбург-Тюссо познакомилась с англичаном со своей парижской коллекцией только в начале девятнадцатого века.

Что и говорить, экспонаты и впрямь походили на трупы. Во всяком случае, мне так показалось. Не знаю, на что похожи фигуры, выставленные в лондонском паноптикуме, только я уверена, что одежда на них несколько иная и взгляд не такой дебильный.

Чем больше я смотрела в глаза героям пародии на сериал «Байки из склепа», тем больше ловила себя на мысли, что во мне поднимается непонятная возбуждающая волна и хочется вцепиться кому-нибудь в горло.

Мимо продефилировал молодой человек с пучком волос, стянутым на затылке резинкой от бигуди, и бросил на меня кровожадный взгляд. Чутьем пса я поняла, что он испытывает точно такое же чувство.

Это было неспроста.

Я попыталась сбросить с себя оцепенение, которое прицепилось ко мне, как надоедливая оса, оккупировавшая кусок арбуза и не желающая расставаться с неограниченным количеством бесплатной сахарозы. Удалось. Главное – не подда-

ваться чувству, притягивающему твое сознание, как реклама колготок «Filodoro».

Паноптикум разместился в зале, принадлежащем Художественному фонду. Стандартное помещение, более напоминавшее фойе деревенского клуба, чем специально предназначенный для подобных целей зал. Тяжелые шторы синего цвета падали до самого пола, щепетильно прикрывая окна-витрины. Так что любой проходящий по улице представитель рода человеческого мог углядеть хотя бы ничтожную часть композиции.

Предприятие открыло себя для показа три дня тому назад, поэтому любопытных посетителей было вполне достаточно.

Меня привело сюда более чем любопытство. Образ ведьмы, все более упрочивающий свои позиции, как говорится, обязывал. Вышеупомянутое зрелище было интересно мне с профессионально-психологической точки зрения. Действительно ли то, что мы видим перед собой, всего лишь изображение или же это некая субстанция, наделенная определенной энергией, доставшейся в «наследство» от ее прототипов.

Интересно было бы разобраться в этом.

Что действительно произвело на меня неизгладимое впечатление, так это восковая статуя Григория Распутина. Он выплывал из мрака, приподняв правую руку и сомкнув пальцы. Левая лежала поперек живота, будто ее владелец маялся болью в толстой кишке и старательно зажимал некий болезненный узел в правой ее части. Свободного покроя одежда,

сверху напоминавшая френч, придавала образу скромность и налет аскетичности. Я обратила внимание на две прошитые строчки с левой стороны туловища до пояса, переходящие в одинарную далее до самого края подола. Что бы сказала знаменитая кутюрье Алла Будницкая по этому поводу?

Мне понятен жест благословения, заключавшийся в приподнятой правой руке старца. Он был как бы со мною заодно. Таинственный святоша начала нашего века и детектив-мистик его конца. Дяденька шагнул из одного века в другой и натворил тут дел. Я же собираюсь поступить покруче – шагнуть из одного тысячелетия в другое, оставляя за собой фейерверки раскрытых криминальных тайн.

Господи, о чем я!

Другой не менее зловещей фигурой на выставке был Иосиф Сталин в своем неизменном кителе с погонями генералиссимуса. Создатели фигуры ухитрились изваять отца народов так, что он выглядел как бы с утреннего похмелья. Восковой цвет лица контрастировал с ярким румянцем, наложенным на скулы.

А вот и Михаил Горбачев. Его серый отутюженный костюм произвел на меня большое впечатление. А вот очки, по всей видимости, были куплены в комиссионном магазине.

Вокруг терлись друг о друга локтями посетители. Они вполголоса обсуждали каждый из персонажей, не стесняясь в суждениях. Кто-то толкал меня плечом, но я не сходила с места – смотрела на благословляющий жест Григория Рас-

путина, который как бы говорил мне: правдив и верен твой путь; все получится, чего бы ты ни захотела. Только не кушай пирожные и не запивай их вином. Это вредно для фигуры. Особенно если в виде начинки используется цианистый калий.

Если бы я только знала, какую зловещую роль сыграет в моей жизни Музей восковых фигур! И случится это довольно скоро.

У входа возникла легкая перебранка. Я обернулась и посмотрела, что происходит.

Вот оно и началось.

Подвыпивший мужчина в легком плаще, несмотря на теплую сентябрьскую погоду, и с обширной лысиной, на вид ему было около пятидесяти лет, желал посетить достопримечательность. Девушка в круглых очках, с верхней заячьей губой, распространявшая билеты среди любопытствующего населения, безуспешно пыталась втолковать веселому посетителю, что несколько нетрезвым людям противопоказано посещать подобные места. Это может расстроить их нежную, как женская яйцеклетка, психику.

И вообще, пьяным тут делать не хрен.

– Кто пьяный? – изумлялся посетитель. – Я пьяный? Это ты пьяная, а я выпил совсем малость. Чуть-чуть, если хочешь знать.

Девушка часто-часто заморгала глазами, видимо, понятие

«чуть-чуть» для нее было непостижимо, и кинулась в подсобное помещение. Через восемь с половиной секунд (я засекала по своим часам) она вернулась в сопровождении молодого человека, главным украшением которого было подобие бороды, которую он начал отращивать три дня назад, ровно в семь утра. На представительской карточке товарища парня было отмечено, что он едва ли не законный владелец музея, чем лично немало гордился.

– В чем дело, гражданин? – строго спросил он, глядя на подвыпившего мужчину сверху вниз.

Тот икнул, кляцнув при этом зубами, как защелкивающийся английский замок, и начал выкладывать причину:

– Я хочу культурно обогащаться, а она меня не пускает, – и показал пальцем на девушку.

Та начала оправдываться:

– Да он пьяный! Ворвался сюда и стал требовать билет!

– Я же не бесплатно! – недоуменно произнес дядя, протягивая смятую десятку. – Отдаю последние финансы, так сказать. Мне вот зарплату не платят, а я к вам иду, деньги предлагаю. И никуда я не врывался. Спокойно вошел и вежливо попросил билет.

– Водку пить – зарплата есть, – ехидно вставила заячья губа.

Лысенький радостно кивнул:

– Подкалымил немного! Имею полное право, подтвержденное российской Конституцией! Глава не помню какая,

часть первая, восьмая строка сверху.

Собравшимся вокруг посетителей стало стыдно за то, что они понятия не имеют о существующей главе, ее части первой, и о том, что на свете существует Основной Закон Российской Федерации.

Я подошла поближе.

– Пусть пройдет, неужели вам жалко? – сказала я.

Молодой человек начал чесать обросшую щеку.

– Почему вы его защищаете? Родственница, что ли?

– Ага! – заявила я. – Это мой опекун. По материнской линии!

Представитель царства покойников начал соображать, что такое опекун по материнской линии, но я прервала его тяжкие размышления.

– Если вы чего-то боитесь, то поставьте охрану. Сейчас куда ни зайдешь – везде охрана. Там, где надо, и там, где не надо.

Молодой человек начал дергать давно не мытой головой.

– Больно вы умная! Мы сами охрана. Все вопросы решаем без постороннего вмешательства. Вам ясно?

Ясно было, что на мальчиков в камуфлированной форме у музея просто не было денег. Что ж, еще один способ зарабатывать – это сэкономить.

– Что делать-то? – нетерпеливо спросила девушка. – Пускать или не пускать?

Непримиримый противник лезвий фирмы «Жиллет» дол-

го и упорно думал, а затем махнул рукой.

– Да пусть идет. Продай ему билет, и пускай наслаждается зрелищем.

– Очень разумное решение, – процедила я сквозь зубы. – Спасибо вам большое. Ваше имя запишут красивым женским почерком в белоснежную страницу истории нашего города.

Молодой человек долго смотрел на меня, словно зять на тещу, но не нашелся что ответить. Он ушел прочь, а заячья губа бросила на меня укоризненный взгляд.

Мне стало очень стыдно.

Тем не менее билет мужчине был продан, и счастливый обладатель клочка бумаги, зажатого в кулаке, кинулся «наслаждаться зрелищем».

Я наблюдала за ним издали. На скульптуры я насмотрелась достаточно, гораздо интереснее было наблюдать за живыми людьми. Ведь что интересно: только истинно русский может, потом и даже кровью с пониженным содержанием гемоглобина заработав немного денег, тут же их пропить и отправиться искать зрелищ.

Дядя в плаще мотался от экспоната к экспонату, вглядывался в лица восковых скульптур и бормотал что-то себе под нос.

Затем он остановился у фигуры, изображавшей Бориса Ельцина.

Президент стоял прямо, немного выставив правую руку

вперед, и смотрел прямо перед собой безразличным взглядом.

И тут произошло то, чего никто не ожидал. Никто, кроме меня. Я почувствовала, что на представителя лондонского клуба лысых джентльменов подействовала непонятная, но чрезвычайно мощная энергия музея. Видимо, пары алкоголя усиливают ее в несчетное количество раз.

Подвыпивший посетитель полез под плащ и вытащил на свет молоток средних размеров с красной истертой ручкой, на которой было вырезано нецензурное слово.

– Боря, блин! Довел до ручки рабочий класс! Гад! – слышался пьяный возглас.

Посетители замерли. Они ждали, что будет дальше.

Мужчина размахнулся, бросил молоток в голову президента и...

...и промахнулся.

Инструмент, временно выполняющий функции метательного оружия, пролетел мимо уха Ельцина и шмякнулся об стену, задрапированную таким же синим материалом, из которого были изготовлены шторы.

– Блин!

Это было единственное ласкающее слух слово, вырвавшееся из глотки подвыпившего дяденьки.

Публика зашлась безудержным смехом. Присутствующие фамильярно переглядывались между собой, будто каждый день ходили сюда, успели перезнакомиться и даже создать

родственные отношения. Короче, ржали они от души, словно на представлении мистера Бина с билетами по сто фунтов стерлингов.

Девушка с заячьей губой бросилась за подмогой. В зале снова показался тот самый небритый молодой человек, но на этот раз не один, а в сопровождении товарища – высокого парня с крупным носом и черным галстуком, болтавшимся на индюшачьей шее.

– Держите его! – взвизгнула заячья губа.

Парни двинулись к мужчине, который до их появления прикидывал, как выручить свой молоток и повторить попытку покушения на воскового Бориса Ельцина. Увидев крестных отцов паноптикума, он оторопел и кинулся к выходу, поняв тщетность своих дальнейших действий. Пробежав ползала, он споткнулся и растянулся на скользком полу во весь рост. Молодые люди чуть было не настигли мужичка, явно намереваясь сомкнуть клыки на загривке жертвы, но тот умудрился столкнуть на пол еще двоих посетителей, что задержало преследователей, и на карачках добрался до двери. Причем проделано это было со скоростью постельного клопа.

Молодые люди махнули рукой, увидев, что ничего страшного, впрочем, не произошло. Они принялись осматривать Бориса Ельцина с тщательностью закройщика, работающего у Кардена и получающего благословенные доллары за каждый наклон головы. Они обнаружили упавший молоток и за-

брали его как вещественное доказательство ненависти рабочего человека к власти имущим.

Это было только начало. Юмористической прелюдией к тому, что произошло дальше.

«Девятка» цвета «мокрый асфальт» остановилась неподалеку от здания Художественного фонда. Поставить машину ближе не было никакой возможности из-за большого скопления автомобилей, поэтому шумная компания, прибывшая с целью посетить Музей восковых фигур, была недовольна. Особенно суетились две девицы, одна из которых была затянута в кожу, словно инопланетный астронавт, и несла на голове тонкий серебристый ободок, не дававший разлетаться в резко диаметрально противоположные стороны светлым волосам до плеч. Другая нимфа по случаю посещения паноптикума надела суперкороткую юбку, напоминавшую собой набедренную повязку Тарзана, от которой аллигатор отхватил в порыве злобы внушительный кусок. Взору знатоков женских прелестей открывались массивные ляжки, от коих первые полчаса очень трудно было оторвать взгляд. Колготки цвета перезревшей сливы обтягивали перекачанные икры. В густо подведенных глазах цвета дешевых болгарских обоев сероватого оттенка явно читалась любовь ко всякого рода скандалам. Причем к тем, которые имеют в особенности большой размах.

Третья девица, перед которой открыл дверцу молодой человек с крутым шнобелем, по которому регулярно про-

ходились кулаками (к тому же покрытым прыщами, словно собачий хвост репьями), носила узкие джинсы фирмы «Wrangler» и дамскую куртку из такой же ткани. Поверх воротника была повязана ярко-красная косынка, что делало девушку похожей на стахановку времен развернутого строительства социализма в СССР. Она вышла из машины, улыбаясь, словно героиня-трактористка, и слушала претензии своих подруг на свободное пространство вдоль обочин.

Молодой человек с прыщавым носом и короткой гоблинской стрижкой радостно лыбился, слушая изливания девок. Водитель же, угрюмого вида парень с темным землистым лицом и такой же короткой прической а-ля уголовник, ничего не говорил. Он запирал дверцы автомобиля и включал сигнализацию.

По всему было видно, что компания молодых людей решила устроить себе культурный поход в Музей восковых фигур. Уже треть города успела налюбоваться на это зрелище. Жители провинциального городка никогда в жизни не видели ничего подобного, поэтому спешили насладиться созерцанием диковинных скульптур.

Еще двое парней спешили в том же направлении. Один из них был полного телосложения, с крутым животиком и лунообразным лицом Санчо Пансы в молодости. Следовавший за ним молодой человек являл полную противоположность своему товарищу. Он напоминал Кису Воробьянинова после ночного хождения по девочкам, но даже отцу русской демо-

кратии никогда не приходилось появляться при народе с таким страдальческим выражением на изможденном лице. Парень был настолько худ, что наверняка смог бы просочиться в любую щель, и этого бы никто не заметил.

Толстяк же принадлежал к тому типу людей, которые явно не в ладах с окружающим их пространством. За свою жизнь он, наверное, уронил на землю немало проходящих мимо людей. Таким персонажам более всего подходит работать в рыночных рядах, толкать перед собой тележку с перевозимыми в ней продуктами и орать: «Дорожку! Дорожку, мать вашу за то место, через которое она вас родила!..»

Компания была в сборе. Все семеро обменялись приветствиями и направились ко входу в музей.

Молодые люди приобрели билеты у девушки, которая никак не могла прийти в себя после происшествия с молотом ведьм, чуть было не снесшим голову ныне действующему президенту. Расплачивался за всех водитель автомобиля.

Компания тут же направилась к фигуре Бориса Ельцина. Видимо, образ любимого президента действовал на молодежь особенно притягательно.

– Смотри, смотри, культипый! – заорал на весь зал длинноносый гоблин. – Во, блин, рожа!

Толстяк радостно заржал, поддержав приятеля. Девочки также приняли участие в обсуждении, гадливо хихикая.

– Чего ты хочешь, Толян! – высказал свое веское слово владелец «девятки». – Это главный пахан всей страны.

Толстяк повернулся и показал жирным пальцем на очередной персонаж:

– Смотри, смотри, Жирик!

Фигура Жириновского в армейском кителе и фуражке с генеральской «капустой» находилась на безопасном удалении от статуи президента.

– Однозначно! Однозначно, братва! – орал прыщавый Толян, широко разевая рот, словно рекламируя фильм «Челюсти». Он принялся кривляться перед фигурой, очевидно, полагая, что именно так ведет себя на заседаниях парламента лидер ЛДПР.

У многочисленных посетителей было порядком испорчено настроение. Их бесцеремонно толкали, оттесняли от подиума и хамили прямо в лицо.

Досталось всем персонажам: Григорию Распутину, Ивану Грозному, Ленину, Екатерине Великой и другим. Пожалуй, только величественный Петр Первый подвергся меньшим издевательствам, чем другие.

Наконец администрация театра не выдержала, и в зале появились трое с представительскими карточками на левых лацканах строгих пиджаков. Диалог с буйными посетителями начал высокий человек лет сорока с темными, немного курчавыми волосами. На принадлежащем ему кусочке ламинированного картона можно было прочесть: «Андрей Владимирович Прохоренко, директор Музея восковых фигур».

– Прекратите немедленно, – твердым спокойным голосом

заявил он. – Вы находитесь в музее, и не надо разводить здесь базар.

Первым отозвался владелец «девятки». Надо сказать, что он вел себя довольно корректно, не в пример своим друзьям.

– Все нормально, брат. Мы немного расслабились, отдыхаем.

– Отдыхайте, только тихо, – по-прежнему твердо произнес директор.

Он собирался было уйти вместе со своими коллегами, которые наблюдали за происходящим, не произнося ни слова, как вдруг в разговор вклинился прыщавый Толян.

– Какие проблемы, мужик? – вызывающе заявил он. – Мы купили билеты, имеем право смотреть.

– Вы правы, молодой человек, – ответил Прохоренко, оборачиваясь. – Смотрите. Только так, чтобы не оскорблять людей.

Толян начал заводиться еще больше. Девушка с крупными бедрами пыталась дернуть его за рукав, но он огрызнулся.

– Отстань! – И снова в адрес директора: – Кого мы оскорбляли?

– Нас, в первую очередь.

– Кого это – вас?

– Работников музея.

– И чем это мы вас оскорбили?

– Издевательством над произведениями искусства!

Толян отклячил нижнюю челюсть, обнажив прокуренные

зубы, и заржал, обводя всех присутствующих диковатым взглядом.

– Где ты видишь произведения искусства, мужик?! Этих мудаков из воска? Да я тебе по пьянке лучше сляпаю! Из пластилина!

Странно, но никто не смеялся. Директор музея начал багроветь.

– Ты – придурок, – заявил он, стискивая зубы. – Козел. Глаза Толяна завращались с бешеной скоростью. Он явно не ожидал, что его будут оскорблять.

Владелец «девятки» вышел вперед. Он решил вступить за друга.

– Кого это ты козлом называешь? Ты че, мужик, неприятностей захотел?

Толян отстранил приятеля.

– погоди, Витек! Ты че, голубой! – обратился он к Прохоренко. – Давай выйдем побазарим!

Девица в коже пискнула:

– Толик, не надо!..

Гоблин уже завелся:

– Че не надо? Он меня козлом назвал, пусть ответит!

Директор музея держал себя в руках.

– Хочешь говорить – говори здесь. Далеко ходить не будем.

Внезапно полубезжизненный глистоватый парнишка выбросил вперед свое тщедушное тельце и закричал визгливым

ГОЛОСОМ:

– Че ты на него смотришь, Толян! Мочи козла!

Это было «сигналом к атаке». «Голубые мундиры» перестроили свои ряды и пошли на противника.

Толян бросился на директора музея, который не успел отреагировать и получил удар чуть ниже левого глаза. Двое, сопровождавшие Прохоренко, бросились защищать шефа. В драку тут же ввязались пузатый Леха, Витек и, конечно же, не обошлось без анемичного дружка, который суетился больше всех.

С ним как раз было покончено быстрее всех. Один из работников музея, плотный мужчина с мощным затылком, который поначалу старался не привлекать к себе внимания, с силой отшвырнул Леху к подиуму.

– Фраер, твою мать... – злобно рявкнул он.

Или бросок был слишком силен, или же болезненный малыш обладал слишком легким весом, но отлетел он довольно далеко, свалив с подиума фигуру Григория Распутина с поднятой кверху правой рукой.

Таинственный монах свалился прямо на незадачливого юнца, отчего тот резко дернул головой и довольно сильно стукнулся затылком. Через несколько долгих секунд Леха выполз из-под останков упавшего Распутина и, сморщившись, начал ощупывать голову. Другой помощник, тот самый парень, который успел лопухнуться с пьяным дядькой, схватился с пузаном.

Девыцы визжали, безобразное зрелище продолжалось. Посетители торопливо покидали паноптикум, разочаровавшись в увиденном. Девушка, продававшая билеты, торопливо собрала кассу и испуганно прижалась к стене.

Пышная девица с энергией атомной бомбы с визгом бросилась на мужчину с комплекцией Тараса Бульбы. Она решила встать на защиту Толяна, которому пришлось плохо.

– Убери руки, скотина! Отпусти его! – заорала она, молотя кулачками по груди мужчины.

Тот, недолго думая, залепил дюймовочке пощечину громкостью в двадцать децибел. Та оторопела и осталась стоять в позе оскорбленной воспитанницы института благородных девиц.

На выручку подруге кинулась девушка в джинсах:

– Женщин избиваете?

Она встала в стойку опытного каратиста и нанесла мужчине сильный удар ногой, который он едва успел парировать. Судя по всему, мужчина был опытным и циничным бойцом, потому что схватил девицу за красную косынку и сильно дернул к себе, повалив девушку на пол. Я поморщилась. А вдруг девушка задохнется.

Никто не может сказать, что детектив Татьяна Иванова чужда человеческих чувств. Я решительно шагнула вперед и перехватила руку дяди, который, по всей видимости, собрался продолжить экзекуцию поверженной стахановки.

– Придержите фонтан, – сказала я. – С девушками так

нельзя обращаться.

Бульбоватого мужчину это немного отрезвило. И это правильно, как сказал бы Михаил Горбачев, если бы не стоял в виде восковой статуи, безучастно взирая на то, что происходило в отдельно взятом музее.

Если бы дядя с затылком Ивана Поддубного поднял руку на меня, то ему пришлось бы менять нижнюю челюсть. Я была готова к схватке и сумела бы постоять за нас двоих. Имею в виду себя и эту девушку, которой я тут же помогла подняться на ноги.

– Спасибо... – прошептала она чуть слышно, что напоминало шорох ветерка в июльскую сушь.

Внезапно в руке Толяна оказалась остро заточенная финка с перламутровой рукояткой. Он взмахнул ею, и директор музея Прохоренко отпрянул назад.

Точно такой же ножик появился в руке парня с землистым цветом лица. Пузан также полез в карман, но не торопился вынимать руку.

– Мы вас, козлов, сейчас порежем! – взвизгнул Толян. – Если не сейчас, то потом! Вернемся и порежем!

Гордые римляне, пытающиеся сдержать натиск остервенелых варваров, молчали. На их лицах была написана железобетонная решимость не сдавать город неприятелю.

– Покиньте помещение, – потребовал директор. – Немедленно.

– Тебе не жить больше, козлу! – прошипел гоблин и спря-

тал финку.

Парни развернулись и пошли прочь, подхватив своих девиц. Девушка, за которую я вступилась, оглянулась и подарила мне взгляд влюбленной бабочки. Во всяком случае, мне так показалось.

Компания в количестве семи человек успела забраться в «девятку», которая спешно вырулила на проезжую часть, чуть было не столкнувшись с бежевými «Жигулями», водитель которых явно опаздывал на свои собственные похороны. Он отчаянно засигналил и вовремя успел затормозить. «Девятка» юркнула в образовавшийся проход и молниеносно набрала скорость.

На улицу выскочил дядя, который успел поручкаться со мной. Он смотрел вслед удалявшейся «девятке» и что-то шептал про себя.

Наверное, запоминал номер.

Если бы я только знала, что вскоре мыльная опера с кровавой пеной, начало которой я только что видела, будет иметь продолжение...

Глава 2

– Только представьте! Мою дочь подозревают в убийстве!

Моим новым клиентом, вернее клиенткой, была женщина средних лет с интеллигентным лицом учительницы, которую только сегодня утром наградили почетным знаком «Отличник народного просвещения». Она тут же согласилась на мой гонорар: две сотни долларов в сутки плюс необходимые расходы, будто узнала об этом еще месяц назад из объявления в городской газете и успела смириться со status quo.

Галина Павловна Безрукова руководила туристической фирмой «Интервояж», и довольно успешно. Но сейчас ее тревожили не дела фирмы, а происшествие с единственной наследницей. И мамочка отнюдь не из бедных!

– Убили директора Музея восковых фигур. В этом оказалась замешана моя дочь.

Мои глаза стали похожи на два черно-белых телевизора, от которых отключили антенну общего пользования.

– Не может быть! Еще два дня назад я видела его живым и...

– Где?

– В музее. Так сказать, на своем законном рабочем месте.

Галина Павловна внимательно посмотрела на меня.

– Именно два дня назад его убили.

– А при чем ваша дочь?

– В тот день она была в музее со своими друзьями, которые устроили безобразную сцену с угрозами, оскорблениями и даже попыткой нанести тяжкие телесные повреждения.

Телевизоры погасли.

– И кто же из них ваша девочка?

Женщина нервным жестом подтолкнула ко мне фотографию, выполненную на бумаге «Фуджи», с которой на меня пялились глаза... той самой девушки в джинсах, которую я вырвала из рук разъяренного Тараса Бульбы.

– Это ваша дочь?

– Маша.

Если вам кто-нибудь скажет, что мир не тесен, – не верьте ему.

Мир тесен, как лифчик первый номер на груди борца сумо!

– И все-таки при чем здесь ваша дочка? Парни покричали друг на друга и разошлись. Как говорят в народе – бывает.

– Прохоренко нашли в бассейне фонтана за рестораном «Золотая нива». Он был убит ударом ножа, так мне сказали. Но самое главное – в руке убитого обнаружили красную козынку, принадлежащую моей дочери! У милиции сомнений нет.

Я тут же припомнила, как Маша едва не стала жертвой скоростного суда Линча.

– Каким образом вычислили эту компанию?

– Один из менеджеров, так это модно сейчас называть, за-

помнил номер автомобиля, принадлежащего некоему Колесникову!

– Кто такой Колесников?

Галина Павловна выложила на стол лист бумаги.

– Что это у вас? Заявление в ООН? – спросила я, протягивая руку.

– Нет, это сведения, которые должны помочь вам в расследовании.

– Можно посмотреть?

Передо мной было что-то вроде краткого досье на каждого из приятелей Маши Безруковой. «Высокий блондин в черном ботинке», да и только. Информация была слишком общей, без подробностей типа кто до тринадцати лет писал в постель и кого рядили в платица в оборочку.

Тем не менее любопытно.

Виктор Колесников, двадцать четыре года. Он же Витька Шмон. Имеет автомобиль «ВАЗ-2199» цвета «мокрый асфальт». Государственный номер Е 529 СЕ. Машина приобретена в конце прошлого года в фирме «ЛогоВАЗ». Имеет отношение к криминальным структурам. Проживает в доме номер 37 по улице Староалексеевской. Квартира 59.

Анатолий Шитов, девятнадцать лет. Нигде не работает и не учится. В армии служить также не собирается. Проживает в доме номер 5 по улице Симбирской. Квартира 58. Иногда помогает Шмону.

Леха Пузан, или Алексей Акимов, двадцать один год. От-

служил в армии. Работает в торговых рядах, развозит товары по «ракушкам». Проживает в доме номер 50 по улице 1-й Садовой. Квартира 3.

Алексей Алтынбаев, девятнадцать лет. Наркоман. Три года на игле. Проживает по улице Новокузнецкой в доме 45, квартира 12. Не работает и не учится.

Лариса Мельдина, девятнадцать лет. Работает в магазине «Аревик» в отделе спиртных напитков. Проживает на улице Пономарева, недалеко от набережной. Дом 3, квартира 20.

Дарья Баженова. Двадцать лет. Учится в строительном колледже. Проживает по улице Староалексеевской, дом 25, квартира 97.

– Откуда эти сведения? – спросила я. – Из школьных журналов?

– Я уже успела нанять адвоката.

– Почему бы ему не довести дело до конца?

Галина Павловна покачала головой:

– Все не так просто. Нашим правоохранительным органам нужно лишь одно – закрыть дело и сдать в архив. Для милиции все семеро – соучастники убийства.

– Даже девушки?

– Они тоже, – кивнула Безрукова.

Идиотизм. Девочек можно было бы исключить.

Щелкнул замок входной двери.

– Это муж, – произнесла моя клиентка, не торопясь подниматься с места.

Александр Игоревич был очень похож на крутого. Или же мне это показалось с первого взгляда. Короче, про таких говорят так: мужик! Рост и плечи от Жерара Депардье, взгляд Лино ди Вентуры, а костюмчик от швейной фабрики номер пять. Виски у нашего папочки уже были седыми. Это несколько его не портило. Скорее – наоборот. В общем мне нравятся такие му... мужчины!

И не надо смеяться!

– Здравствуйте! – поставленным голосом произнес Александр Игоревич, вопросительно глядя на меня.

– Таня, знакомьтесь – мой муж.

– Безруков, – открыл свою тайну Александр Игоревич, протягивая массивную ладонь.

Я ответила не менее жестким рукопожатием. Пусть знает, с кем имеет дело.

В глазах Безрукова промелькнуло уважение.

– О чем спорите? – спросил он и уселся на мягкий стул, который поприветствовал хозяина шуршащим вздохом.

– Александр, Таня – частный детектив. Я тебе о ней уже говорила.

Лицо папочки поскучнело.

– Галя, я уже выразил свое мнение по этому поводу. Если хочешь потратить деньги, то сделай это одним махом. Надо отмазать Машу и закрыть дело.

Галина Павловна покачала головой.

– Это не проблема. Только на этом дело не закончится.

Дашь одному – придет другой, дашь другому – придет третий. Этот процесс бесконечен. Надо найти истинного убийцу.

Безруков вздохнул, словно кот, объевшийся рыбы.

– Кого искать? Все уже ясно без суда и следствия. Пацаны собрались и замочили фраера.

Меня насторожили выражения Александра Игоревича.

– Вы говорите, как опытный уголовник, – как бы между прочим бросила я.

Безруков взглянул на меня с интересом тигра к дрессировщику и сказал:

– В молодости всякое бывало. Нам били морду, мы били. Тебя посылают в нокдаун, ты стараешься завершить встречу нокаут. Потом отлежишься пару дней и – как ни в чем не бывало.

Я решила сменить тему.

– Неужели ни у кого из этой компании нет алиби? – спросила я у Галины Павловны.

– В том-то и дело! После потасовки в музее все разошлись по домам и больше не встречались. Так, по крайней мере, все утверждают.

– А Маша?

– Заявляет, что находилась дома. Мы вернулись поздно и подтвердить этого не можем. Впрочем, наше заявление никого не вразумит. Родителям в милиции не поверят.

Это точно. Родители – не свидетели.

– И все-таки лучше сделать так, как я говорю, – снова начал свою песню Безруков. – Надо отмазать Машу – и всего делов.

Мамочка не сдавалась.

– В конце концов, я потрачу деньги, которые сама заработала. У меня единственная дочь, и я хочу, чтобы у нее не было неприятностей.

– Как знаешь, – обозленно выпалил Александр Игоревич. – Кстати говоря, мне этим делом заниматься некогда. Уезжаю на сборы. Надо готовить команду к первенству России.

– Вот и поезжай, – кивнула Галина Павловна. – Мы сами справимся. Правда, Таня?

Честно говоря, супруги могли бы и договориться между собой. Впрочем, это их внутреннее дело. Меня же больше интересует гонорар.

Безруков поднялся с мягкого стула, который жалобно пискнул, и походкой носорога вышел из комнаты.

– Вы хотите узнать, что вас ждет? – спросила я мамочку.

– Да-да!

– Для этого совсем не обязательно затевать целое расследование. О будущем человека, вернее о некоторых его деталях, можно узнать, не сходя с места.

Судя по взгляду Галины Павловны, она мучительно сообщала, какого именно числа меня выпустили из психушки.

Желая разбить в пух и прах сомнения леди, я потяну-

лась за сумочкой, медленно расстегнула серебристо-желтую «молнию» замка и достала мешочек с гадальными костями.

– Что это? – с улыбкой спросила Безрукова.

– Специально для вас и только сегодня – гадание по цифровым костям. Позвольте воспользоваться зеркальной поверхностью вашего журнального столика?

Необходимый предмет был тут же придвинут поближе. Я заметила жирную белесую царапину на гладкой поверхности, которая уже не была зеркальной. Как следует сосредоточившись, я бросила кубики. Они неторопливо покатались, словно выказывая нарочитое пренебрежение к людским страстям.

29 + 18 + 2.

– Что это означает? – заинтересованно спросила Безрукова, рассматривая комбинацию.

Я подняла глаза и, не отводя взгляда, произнесла:

– Это означает, что скоро вас огорчат близкие вам люди.

На глаза Галины Павловны навернулись слезы.

– Это уже произошло. Наша дочь доставила нам огорчения. И немалые.

Я пожала плечами и стала собирать кубики.

– Мое дело – предупредить.

– И вы верите гаданию? – спросила Безрукова.

– Во всяком случае, эти невзрачные на первый взгляд косточки меня еще ни разу не подвели.

Глава 3

Париж. 15 сентября 1771 года. Половина десятого вечера.

У дома, в котором знаменитый скульптор доктор Куртиус держал выставку восковых фигур, изображающих представителей королевской фамилии, остановилась карета. Из нее вышел человек, закутанный в черный плащ. Он постучал в дверь и, ожидая ответа, проявлял нетерпение, заметное даже при тусклом свете фонарей.

Наконец незнакомцу открыли и поинтересовались причиной столь неожиданного визита. Человек в черном плаще пожелал видеть самого доктора Куртиуса.

Пришлось досточтимому мэтру спускаться вниз.

– Монсеньор Филипп Куртиус?

– Да, это я, – проговорил доктор, зябко кутаясь в домашний халат.

– Вы ищете натуру для своей скульптуры?

– Что именно вы имеете в виду? У меня обширные планы.

– «Спящую красавицу».

Скульптор пытливо взглянул в лицо нежданному гостю:

– Вы не ошиблись. Мне действительно хочется использовать для воплощения характера образ самой красивой женщины Франции.

– Имею честь предложить вам следовать за мной, вне всякого сомнения, вы не будете разочарованы.

– Как? – растерянно проговорил скульптор. – Прямо сейчас?

– Именно, – произнес человек в черном. – Захватите с собой все необходимое. И постарайтесь сделать это побыстрее. У меня неотложные дела.

– Но позвольте, столь поздний час...

– Поторопитесь. Если хотите, это приказ!

– Чей, позвольте узнать?

Вместо ответа незнакомец выпростал из-под плаща руку с печаткой, продемонстрировав знаки, принадлежавшие особе, имевшей большое влияние при дворе.

Доктор Куртиус пожал плечами и пошел собираться. Вскоре он вернулся, полностью одетый, в сопровождении девушки с простым не улыбочивым личиком, напоминающим образ ангела, пробужденного ото сна.

– Это моя ассистентка, Мари Страсбург, – пояснил скульптор. – Будет сопровождать меня и помогать в работе.

Человек не возражал.

Доктор сложил в небольшой ящик мисочки для приготовления раствора, пакет с сухим гипсом и другие необходимые материалы.

Все трое сели в экипаж, дожидавшийся их снаружи, и тронулись в путь.

– Куда мы едем? – спросил провожатого Куртиус.

Тот буркнул под нос что-то неопределенное. Доктор больше не предпринимал попыток задавать вопросы.

Мари тревожно выглядывала в окна экипажа, изредка бросая вопросительные взгляды на скульптора. Тот молчал.

Экипаж выехал из Парижа и отправился далее по юго-западной дороге.

– Эта дорога ведет в Версаль, – заметил доктор.

Человек в черном кивнул, не произнеся ни слова.

Королевский дворец в Версале был образцом гения французских строителей, художников и ювелиров, но также и образцом расточительства. Огромные средства тратились на содержание этого шедевра.

Филипп Куртиус не ошибся. Экипаж действительно доставил скульптора и его юную помощницу к королевскому дворцу, минуя Версальский сад.

– Прошу следовать за мной, – произнес незнакомец.

Путешественники оказались перед зданием в три этажа, размеры которого по длине казались бесконечными. Оно делало изгибы строгой геометрической фигуры. В спустившейся на землю темноте истинные очертания дворца едва угадывались. Затем ночные путники оказались в длинном холле с высоченными потолками, с которых почти до половины свисали огромных размеров люстры. Внутренность помещения ослепляла роскошью отделки и удивляла фантазией, с которой мастера трудились над убранством.

Юная Мари, задрав голову, с восхищением смотрела на великолепие дворцовых сводов, следуя за своим хозяином.

Открылась одна из боковых дверей, и доктор с помощни-

цей очутились в небольшом зале. Вскоре навстречу скульптору вышел человек, при виде которого Куртиус ахнул.

– Монсеньор! – с благоговением произнес он. – Какой чести удостоен обыкновенный скульптор... лицезреть столь священную особу!

Это был герцог Ришелье, дворцовые интриги которого имели далеко идущие последствия для Франции.

– Доктор Филипп Куртиус, я хочу предложить вам сделать фигуру «Спящей красавицы» с женщины, которая избрана его величеством как красивейшая из смертных. Что за юная особа прибыла с вами?

Скульптор засуетился.

– Это моя помощница, Мари Страсбург. Она сирота, отец ее был солдатом. Увы, монсеньор, он погиб в бою. С тех пор я принимаю участие в судьбе этой девочки. Она, так сказать, моя ассистентка.

Ришелье не возражал.

– Прошу вас...

Герцог сделал знак скульптору следовать за ним, и вскоре все трое оказались в комнате довольно небольших размеров, где находилась молодая женщина на вид двадцати пяти – тридцати лет.

– Позвольте представить вам графиню Дюбарри. Мы хотели бы предложить вам именно с нее сделать образ «Спящей красавицы».

Доктор был разочарован. Он ожидал увидеть кого угодно,

только не фаворитку Людовика XV.

Жанна Дюбарри была особой изящной, с тонкими руками и чуть пухленьким личиком, которое, вне всякого сомнения, украшали томные глаза, в которых могла поместиться вся вселенная. Тонкий, чуть удлинненный нос совсем не портил ее, виноградные губы и ямочка на подбородке дополняли образ любовницы короля. Зачесанные назад волосы, собранные в подобие свободной косы, открывали мраморный лоб. Корсаж не в силах был скрыть достоинства груди.

– Вы доктор Филипп Куртиус, содержатель Музея восковых фигур? – с улыбкой произнесла графиня Дюбарри, протягивая скульптору руку для поцелуя. – Я много слышала о вас. А кто это прелестное дитя? – спросила она, оглядывая Мари, закутанную в дорожный плащ с ног до головы и не успевшую распахнуться.

– Юная Мари Страсбург, моя ассистентка, – ответил доктор, не отводя глаз от графини. Он по достоинству оценил красоту фаворитки короля и уже погрузил свои мысли в работу, прикидывая, как с выгодой подать прелести этой женщины.

– Что вам нужно для работы? – спросил герцог Ришелье. Скульптор ответил не сразу. Он был погружен в мысли.

– Нам нужна теплая вода, монсеньор, – ответила за него Мари.

– Ах да! – спохватился доктор. – Действительно, нам нужна вода для приготовления раствора.

Фаворитка короля Людовика с некоторым волнением поглядывала на то, как Куртиус с Мари готовят все необходимое.

– Скажите, доктор, – с вкрадчивостью кошки спросила графиня, – маска не повредит коже лица?

Мари с неприязнью взглянула на графиню.

– Не волнуйтесь, сударыня, – ответил скульптор, – очищающий лосьон приведет вашу прелестную кожу в порядок. Главное, чтобы сходство не пострадало.

Появился лакей, который принес кувшин с подогретой водой и поставил его на специально приготовленный столик. Доктор Куртиус взял ванночку, насыпал в нее специально отмеренное количество гипса и дал знак Мари, чтобы та добавила в него воды. Девушка начала осторожно вливать воду в ванночку, а доктор тщательно размешивал порошок керамической лопаткой.

Вскоре масса была наложена на лицо графини, для чего ей пришлось претерпеть некоторые неудобства. Через некоторое время гипс застыл и превратился в форму.

Графиня отправилась умываться с помощью служанки, которая принялась поливать ей из кувшинчика.

– Вам придется приехать ко мне в мастерскую, когда будет готова восковая маска, – предупредил фаворитку доктор Куртиус.

– Зачем? – с любопытством поинтересовалась графиня Дюбарри.

– Нам необходимо будет сделать небольшие уточнения, – пояснил скульптор. – Некоторые черты лица могут быть несколько искажены, мы должны это исправить.

– Когда же это будет?

– Хотя бы завтра, – ответил доктор.

Мари сделала знак Куртиусу.

– Мы можем не успеть, – сказала она. – День будет занят посетителями, лучше выбрать другое время.

– Верно, – согласился доктор, – пожалуй, полезнее всего выбрать послезавтра. После полудня. Вас это устроит, сударыня?

– Вполне, – ответила графиня Дюбарри. – Итак, послезавтра после полудня я буду у вас в мастерской.

– Если, конечно, вас это не затруднит... – Скульптор бросил опасливый взгляд на герцога, который к тому времени вернулся в комнату.

Тот неопределенно пожал плечами:

– Графиня вольна в своих прихотях, она может делать все, что пожелает. А это возьмите за труды.

Герцог протянул Куртиусу кошелек, напоминавший упитанного суслика, отчего доктор смутился.

– Простите, монсеньор, но мне неловко брать деньги. Образ графини послужит искусству, а оно...

Ришелье прервал страдания скульптора, изобразив на лице гримасу больного подагрой.

– Никогда не отказывайтесь от подношений. Гордость не

так дорога, как золото. Без нее можно обойтись, а вот без денег...

Обратная дорога казалась не такой длинной. Доктор Куртиус рисовал в уме план постепенного воплощения образа «Спящей красавицы», а юная Мари раздумывала над тем, сколько нарядов имеет графиня Дюбарри и сколько раз на дню она их меняет.

Не доезжая до предместий Парижа, экипаж остановился. Скульптор выглянул в окошко и крикнул кучеру:

– В чем дело, милейший? Неожиданная поломка?

Вместо ответа он увидел пистолет, направленный ему прямо в грудь человеком в маске.

– Быстро кошелек!

Грабитель распахнул дверь и вытащил доктора из экипажа.

– Чего вы хотите? – возмущенно воскликнул скульптор.

– Золото! И как можно быстрее!

– Но я!..

Доктор беспомощно оглянулся и увидел, что второй грабитель держит под прицелом кучера.

Человек в маске движением карточного шулера вытащил кошелек герцога Ришелье из-за пояса доктора и втолкнул его внутрь кареты.

– Это что у вас?!

Грабитель запустил руку в дорожную сумку Мари. Девушка вскрикнула, больше от возмущения, чем от страха.

– Что это?! – зашипел он словно рассерженный гусак, вытаскивая слепок.

– Это гипс, – спокойно ответила Мари, – для вас он не имеет никакой ценности.

– А где деньги?!

– Единственные деньги, которыми мы обладаем, вы уже забрали, – едва сдерживая себя, произнес доктор Куртиус.

Черная маска выскочила наружу.

– Ни слова о том, что с вами произошло. Иначе – смерть!

И в этот момент кучер ударом кнута сбил маску с лица другого грабителя.

– Дьявол! – завопил тот, пытаясь прикрыть голову рукавом плаща.

Лошади понесли вперед, понукаемые кучером. Вслед карете прогремел выстрел, разорвавший ночную тишину.

Глава 4

Веселая компания была в сборе. Пирушники во время чумы арендовали скамью в сквере неподалеку от дома Безруковых и тосковали.

Мне выпала неслыханная удача лицезреть героев «воскового побоища» в несколько иной обстановке и в настроении, противоположном тому, что наблюдалось лично мною несколько дней назад.

Итак, начнем по порядку.

Витька Шмон.

Первый взгляд не оправдывал мнения о том, что он – закоренелый уголовник. Отрастить чубчик, и перед вами – камешник шестого разряда с обветренным от постоянного пребывания на свежем воздухе лицом.

Анатолий Шитов.

Помесь хорька, ящерицы и штопора. Готова спорить с прокурором на пожизненное заключение, что в школе он томился на первой парте и преимущественные записи в его дневниках сообщали о таком необыкновенном таланте, как сверхвертлявость.

Леха Пузан.

Наивные глаза дворняги, надеющейся на щедрое вознаграждение. Из всей компании он мне понравился больше всех.

Алексей Алтынбаев.

Жить ему осталось от силы года три-четыре. Представьте себе Раскольниковова, которого в камере предварительного заключения целую неделю молотили менты, и перед вами несчастный Леха.

Лариса Мельдина.

О таких девушках обычно говорят: «У нее задний мост, как у «КамАЗа».

Даша Баженова.

На стипендию строительного колледжа так не оденешься. Самое примечательное во внешности этой девушки – взгляд кошки, следящей за своей кормушкой.

И, наконец, Маша Безрукова. Как говорят в таких случаях – несчастная жертва обстоятельств и по совместительству девушка из Беверли-Хиллз.

– Привет, братва! – уверенным голосом произнесла я.

Шитов посмотрел на меня, словно на девушку из компьютера, и буркнул:

– Здравсте...

– Меня зовут Татьяна, и я здесь совсем не случайно.

Эта фраза, по моему дальновидному мнению, должна была заинтриговать моих будущих собеседников. Так оно и случилось.

Шмон поднялся со скамейки, протянул руку и просто сказал:

– Виктор, а это...

Рукопожатие Шмона напоминало объятие черноморской медузы.

– В глубоком принципе, я всех вас знаю, – сказала я. – И моей скоропостижной задачей является вытащить вас из дерьма.

– И кто же поставил перед тобой такую задачу? – спросил Шитов.

– Не могу назвать имя клиента. Скажу только, что я хочу разобраться в происшедшем как можно раньше милиции. Вы должны стать моими добровольными помощниками.

– Мы не убивали Прохоренко, – почти в один голос заявили парни. – Нам это ни к чему.

– Тем не менее у вас был мотив: вас обидели и вы собирались устроить кровавую вендетту. В присутствии нескольких десятков свидетелей обещали вернуться и порезать всех троих представителей администрации музея. И потом – улика. Красная косынка Маши на месте преступления. Она же не могла оказаться в руке Прохоренко просто так. Все слишком логично.

– Косынку подбросили, – сказал Виктор. – Когда мы уходили из музея, она оставалась у того жлоба с бычьей шеей.

– Значит, Маша отправилась домой без косынки? – Дело приобретало совсем другой поворот.

– Точно. Нас просто подставили, номер машины – все равно что домашний адрес.

– Теперь скажите: какой черт дернул вас устроить дебош

в музее?

Только в ночном морге могло воцариться такое молчание.

Первым его взорвал Алексей Алтынбаев. Видно, он давно искал возможность сделать чистосердечное признание.

– Я прямо не знаю, что на меня нашло... Как будто...

– Как будто вожжа под хвост попала? – закончила я.

– В самом деле... Сначала все было нормально, а потом как стукнет в голову...

У наркоманов это бывает, хотела сказать я, но сдержалась. К тому же вспомнила свои ощущения, когда хотелось надрать задницу первому, кто попадет под руку.

– Леха прав, – в разговор включилась титястая Лариска. – Это было как наваждение...

– Захотелось крушить все подряд и на мелкие осколки, – вставил свое слово Пузан.

Я снова вспомнила свои ощущения и призадумалась. Хотя сыра в моем рту не было.

– То есть устраивать публичный скандал вы не планировали?

– Зачем нам это надо? – пожала плечами Маша. – Кому нужны неприятности...

– И на месте преступления вас не было?

Все дружно замотали головами.

– Нас подставили, – продолжал настаивать на своем Виктор. – Ребята из музея. Пришили своего дружка и свалили на нас.

Я покачала головой.

– Это ваша версия. Милиция же придерживается другой линии. Кстати, почему это вы разгуливаете на свободе? Алиби у вас нет, мотив налицо, улика в виде детали одежды подтверждает участие в убийстве.

Все дружно повернули головы в сторону Шмона.

– Спасибо Виктору, – сказал Шитов, – нас продержали в ментовке три дня, а потом выпустили под залог.

– У тебя много денег? – спросила я.

Колесников неопределенно пожал плечами, будто не особенно желал распространяться на эту тему.

– Помогли... Есть люди, которые должны мне.

Все ясно. Теперь милиция будет пытаться всеми силами доказать виновность парней. Если, конечно, получится.

Пузан поднялся с места, подошел ко мне и невесело произнес, протягивая оладистую руку:

– Спасибо...

– За что?

– Одна ты веришь нам. В милиции с нами разговаривали по-другому.

– И, по всей видимости, это был не последний разговор.

– Наверное...

Честно говоря, я не очень-то поверила в невиновность гоп-компании. О чем-то они недоговаривали. Как я узнала? Женская интуиция. И вообще, пора работать. Надо нанести кое-какие визиты.

В музее меня встретил тот самый обладатель мощного затылка. Судя по встрече, он не узнал провинциальную красавицу, которая не дала ему расправиться с девушкой Машей.

– Слушаю вас.

Я вытащила на свет божий то самое старое эмвэдэшное удостоверение, которое не раз помогало мне в подобных ситуациях и, махнув им в пыльном пространстве, заявила:

– Меня зовут Татьяна Иванова. Я хочу побеседовать с вами по поводу убийства Андрея Прохоренко. Как вас зовут?

Мужчина помолчал, а потом нехотя произнес:

– Мокроусов. Владимир... Кстати, с нами уже беседовали в милиции, но вас я там не заметил.

– Я стажер, как бы на практике. Учусь проводить расследования.

Мокроусов понимающе помотал бесформенной головой.

– Чего вы хотите конкретно?

– Желаю самостоятельно найти убийцу, – с жаром пионерки тридцатых годов выпалила я. – Представляете, капитаны и полковники лопухаются, а я на блюдечке подаю им раскрытую тайну.

Мужчина внимательно смотрел на меня, как на учительницу китайского языка, приехавшую работать в деревню Гадюкино.

– Убийцы уже найдены. Менты знают мокрушников в лицо, так что о чем тут еще говорить?

Деловой ты наш.

– Почему вы уверены, что в убийстве замешаны ребята, затеявшие драку в музее?

– Потому что они угрожали Андрею при свидетелях. Обещали вернуться. Такие сволочи слов на ветер не бросают.

– Я так поняла, что именно вы сдали их милиции.

– Что же нам, мириться с тем, что погиб друг? Когда менты стали спрашивать о том, кого подозреваем, то мы даже суетиться не стали. Рассказали все как есть.

У меня стали чесаться руки, как у больного псориазом.

– Удобно получается, – зловеще процедила я. – Запомнили номер машины и сдали парней с потрохами.

– А в чем, собственно, дело? – начал наезжать Мокрусов. – Убийца должен сидеть в тюрьме. Тем более имеет место групповуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.